

### **Крулихино, которое мы потеряли**

Работая в начале 80-х годов над книгой «В кустах, или Апология крестьянства» /М., «Советский писатель», 1992/, я заинтересовался судьбой своего деда по материнской линии Антонова Савелия Антоновича. Он умер где-то в возрасте 60 лет во время оккупации. В своё время он приобрёл столыпинский хутор в Каменце, поднял его, в коллективизацию был раскулачен, /все хуторяне нашей местности поголовно автоматически попадали в кулаки как наиболее зажиточные крестьяне/, был осуждён, отправлен в ссылку, затем, к счастью, амнистирован в связи с принятием первой сталинской конституции 1934 года. Хутор был уничтожен новыми хозяевами жизни, и деду пришлось строиться заново буквально с нуля, безлошадным, затем пришли немцы, началась оккупация... Тяжелейшая судьба, судьба наших дедов.

От матери и живых тогда ещё родственников я, что мог, о деде выяснил, но хотелось что-то узнать о нём и от людей сторонних, увидеть его, так сказать, глазами других. Но, увы, сделать это оказалось уже практически невозможно. Из живших в округе никто его уже не помнил, так, шапочно, два-три человека. И пришлось мне с болью в сердце в книге констатировать:

«Дед умер, может быть, рано, но и сверстников его уже нет на земле, все они – прошлое, прах и память. И не только они, нет, невозможно отыскать на родине знавших деда и из следующего поколения – умерли, погибли, разъехались. Грустно на древней земле, населённой новичками, людьми, не помнящими о себе. Тяжело и самой земле в неопытных руках...»

Теперь вот мне всего-то 55, а я уже практически единственный старожил в Крулихине. Проживают две-три женщины более солидного возраста, но они не крулихинские, они сюда приехали. Люся Корнилова старше меня, но нынче и она заколотила дом и уехала в Питер.

Мой рассказ будет развиваться не в хронологическом порядке, а, скорее всего в ассоциативном, когда одни факты и воспоминания будут вытаскивать на свет картины из другого времени. Так обычно пишут мемуары и некоторую прозу.

Вначале хотелось бы восстановить небольшую историческую справедливость. Необходимо всегда помнить, знать, иметь в виду, что собственно помещики никогда не жили, не селились в деревнях, они не жили в деревнях. Их поместья не являлись деревнями. В деревнях жили крестьяне. А, помещики жили в своих усадьбах, всегда отстоящих от деревень на том или ином расстоянии.

Поэтому все дома, которые сейчас понастроены в Крулихине /деревянные и кирпичные/, - это результат хозяйственной деятельности в советское довоенное и послевоенное время. Собственно строиться, расширяться Крулихино перестало где-то в начале 90-х гг., когда наши перестройка, ускорение и гласность обернулись самым примитивным возвратом к капитализму.

В Крулихине располагался помещичий особняк, различные хозяйственные постройки, от которых сейчас почти ничего не осталось, мельница, две запруды,

верхняя – для набора воды, чтобы иметь возможность запустить мельничное колесо в любое время. Любопытно, что все постройки у помещика были каменные, а баня на берегу нижней запруды – деревянная, но крыта, как и сам дом, железом. Простояла она очень долго, в ней была общественная совхозная баня, и сгорела она уже в мою бытность, когда её переоборудовали в кузницу, потому что предыдущая кузница тоже сгорела – она стояла примерно на месте нынешнего дома Осиповых. Тоже каменная, но крыта была дранкой. Дело было летом. Мой отец, работавший в ней кузнецом, с молотобойцем Леоновым Анатолием успели вынести только самое ценное: лерки и метчики для нарезания резьбы, да сверлильный ручной станок. Дядя Толя выхватил и кувалду. Ну, а наковальня в пять пудов в огне, славу Богу, не сгорела.

Точно так же не было и деревни Теребени. Это было сельцо с церковью, большим домом священника под четырёхскатной крышей, он находится справа при подъезде к церкви, церковно-приходской школой. Ещё несколько домище церковного причта да чайная через дорогу, при свороте с большака, как раз там, где сейчас построен дом Таисии Фёдоровны, нашего педагога. Во времена моего детства там жила семья, которых так и звали – Чайницкие, хотя у них была своя фамилия. Всё остальное, что здесь понастроено, – это результат совсем недавних наших свершений.

Но вернёмся в Крулихино.

на месте моего дома, который после заключения начал строить дед Савелий, была почта. Почта – организация государственная, и поскольку здание её стояло на помещичьей земле, она была, как бы выгорожена, выделена из неё каменной оградой. Следы этой ограды просматриваются до сих пор, она обнимает и наш дом, и дом телефонной подстанции рядом, где долгое время была почта в советское время. Как выглядело здание почты – неизвестно. Но фундаменты там каменные, основательно заглублены в землю – это я знаю хорошо. Но само здание, повторяю, вихрем революции было полностью снесено с лица земного – дед строился на пепелище: камни, пни вековых тополей, головешки – такую печину отвела деду советская власть.

К слову, каменные ограды, окружавшие парк, а также территорию садов и огородов по обе стороны от барского дома, стены хозпостроек, конюшни помещика хорошо выделялись во времена моего детства. Их активно начали разламывать во время строительства Шильской ГЭС. В Шильскую ГЭС заложены и крулихинские камни, да.

Широкое окно в три рамы в нашем доме, которое смотрит на большак, юг, вырезали во время оккупации немцы. Семья была выгнана, мои родственники ютились в Бабееве, а сам дом немцы облюбовали под часовую мастерскую. Для часовых мастеров нужно было много света, поэтому простое деревенское окно немцы раздвинули вширь. Как видите, у немцев во время войны были не только велосипеды и мотоциклы, но и много наручных часов, кои необходимо было чинить.

Определённым образом размещение в Крулихине часовой мастерской, было, полагаю, связано с тем, что в помещичьем особняке все три года действовал военный госпиталь для офицеров. Некоторые раненые умирали, их хоронили в

парке. Однако перед отступлением немцы вырыли все тела и отправили в рейх. Это были тела офицеров, повторяю, мой старший брат Аркадий, 1933 г.р., мальчишкой пережил оккупацию и всё это видел. Я передаю с его слов и слов старших родственников.

Я всё же хвачу ещё немножко в глубь времён. Дело в том, что мой отец Васильев Александр Васильевич, 1900 г.р., жизнь помещичьей усадьбы знал прекрасно, потому что он в ней работал. Кем работал, скажу ниже.

В советское время о прежней жизни, да ещё о работе на барина, вспоминать было не принято, вспоминать нужно было с оглядкой: всем было памятно раскулачивание, сталинские чистки, когда кругом кишели и отыскивались в нужных количествах «враги народа», потом оккупация, полицейские облавы; после оккупации отца в 44-ом мобилизовали, и как многих и многих таких же без всякой подготовки бросили на передовую – искупать вину. Отец попал в плен, в 45-ом его освободили американцы, он прошёл ряд фильтрационных и пересылочных лагерей, смершевских проверок. Короче, болтать лишнее был отучен. Кроме того, отец с матерью развелись, когда мне было 11 лет, отец завёл другую семью, жил в Глубоком, несколько лет я вообще не общался с ним. Только к концу его жизни мы восстановили с ним близкие отношения.

Так вот работал, служил отец у барина на конюшне. Был он не по годам рослым, сильным и, по крестьянским меркам, красивым подростком, видимо, поэтому его выбрали в кучера. Он был кучером у барыни.... Позже, когда я стал осознанно собирать и сопоставлять воспоминания, материалы, я долго не мог уразуметь: какую такую барыню он тут возил? – ведь сама барыня Александра Яковлевна Львова, урождённая Есипович, в 1905 году упокоилась на погосте в Теребеньях? И лишь недавно полученное мною от Виктора Григорьевича Никифорова письмо обстоятельное кое-что для меня здесь прояснило.

Видимо, отец возил на лошадаках дочь Львовых Киру, о которой кроме года рождения (1884) ничего практически неизвестно.

Что ещё можно вспомнить из обрывочных и осторожных воспоминаний отца, которые, к сожалению, и слушались-то мною, пионером, а затеи комсомольцем, в вполуха?..

Что у барина, например, выращивался виноград. Лоза вилась по южным стенам особняка, а на зиму она опускалась в подвал и там укрывалась от морозов. Занимался этим садовник на постоянной должности с помощниками. В парке были симметрично расположенные клумбы с цветами, дорожки, посыпанные жёлтым песком. По ним прогуливалась барыня, видимо, Кира Алексеевна с ухажерами – то ли офицерами, то ли студентами, молодыми людьми в форме.

В северном уголку парка, возле нынешней автобусной остановки, под тополями находилась красивая круглая беседка, в которой молодые люди отдыхали в знойные предвечерние часы. В центре парка располагался пруд для сбора грунтовых вод, и в парке было всегда сухо. Место пруда можно увидеть и сейчас.

В западной части парка был вырыт глубокий колодец с воротом, но вода в нём была плохая. Воду для питья и приготовления пищи в поместье возил в бочке водовоз из родниковых колодцев. Ближайший находился внизу, под горой, у речки Серебрянки. Возили и из соседних деревень.

Кира Алексеевна жила, может быть, училась в Санкт-Петербурге и приезжала только на лето, а также на Рождество и Пасху, когда съезжалось много гостей. Во время её отсутствия отец работал на конюшне. Страсть, любовь к лошадям отец сохранял всю жизнь, но это уже отдельный рассказ. Служил он в должности кучера-конюха у помещика Львова, надо полагать, года два-три, потому что в 16-ом году он ушёл из поместья на заработки в Питер. Там устроился на завод, где и обучился жестяному и кузнечному делу. Вернулся он пешочком домой в 18 году, когда здесь творилось неведомо что. По пути, где-то в лужских лесах, он был мобилизован в банду Булак-Булаховича. Был такой полководец гражданской войны, который сначала объявил себя вроде как красным, а потом откровенно побелел. «Армия» эта отцу сразу не понравилась, и он из неё бежал вместе с конём, которого ему выдали. «Но, - вспоминал, - вижу: с конём мне не дорога, кругом война, за одного коня пристукнуть могут, я его и отпустил. Снял седло, узду и пустил в поле. Он-то за мной долго бежал, ну я его хворостиной огрел, он и отстал...»

Об этом факте биографии он мне поведал уже незадолго до смерти, а так всю жизнь молчал.

Ну да вернёмся ближе к нашим дням.

После войны помещичий особняк был разгорожен на комнатки и плотно заселён людьми, потерявшими во время войны родной кров, беженцами и прочая.

Со скольких лет я могу помнить? Ну, с четырёх, пяти, - помню, каким шумным и многолюдным был этот огромный дом-ковчег, как вся жизнь округа вращалась возле него. И взрослая – в доме располагались контора, магазин, клуб библиотека, медпункт, ясли, столярная мастерская, склады, на «чистом дворе» раздавались по утрам наряды на работу. И детская, где на лестницах, чердаках, в окружавшем дом парке и шла вся наша игра.

В этом доме я увидел первое своё кино, кажется, и сейчас бы узнал киномеханика – магической, высоченной для нас был он фигурой и, как теперь понимаю, совсем молодым мужчиной, может, лет двадцати пяти. Помню не только его самого, но и друзей, манеры, зажигалку из гильзы, и даже сапоги, в которых он ходил, наяренные до блеска. Он уехал от нас поднимать целинные земли, он уехал от нас...

В этом доме я сам, сознательно, взял две первые свои библиотечные книги и помню какие. «Русские былины» с богатырями на картинках и «Ваше слово, товарищ маузер!». Ничего я в последней не понял, хотя и прочитал всю до конца.

В этом доме я увидел выступление ансамбля нахимовцев из Ленинграда – чудо из чудес! Маленькие морячки, отутюженные, сверкающие медью пуговиц и блях, в бескозырках с ленточками, а на ленточках – золотые якоря!.. Что ангелы к нам прилетели, плясали, пели, играли на баянах как большие. Ни пылинки на них, ни соринки, а мы-то – кто в чём, босые, сопливые, с цыпками, господи!.. Их видением я был избавлен от мучений выбора профессии и стремился только в моряки. Военным моряком стать не получилось, но моря я достиг-таки, и только тогда, к тридцати годам, утешился.

Электричества во времена моего детства не было, и ходить в зимнюю пору вечерами в барский дом я просто боялся. В коридорах кромешная темнота, везде

под ногами ведра, тазы, шайки, ящики, в воздухе – соответствующие запахи; слышно за перегородкой идёт жизнь, а как туда попасть из темноты – ну хоть кричи, ручки дверной не найти. А карманный фонарик был тогда большой редкостью...

Летом на волейбольной площадке в парке, перед кино, происходили жаркие баталии. После трудового дня парни и девушки не пиво из баночек потягивали, а сражались в волейбол. Две команды играют – «на вылет», потому что в очереди ещё две поджидают. И все хотят сыграть, показать себя до кино, потому что после кино уже не игра, ибо темно, да и танцы. А ещё толпа болельщиков стоит, ребятня, которых по малости лет не берут в команды...

Сам барский дом и построенный рядом году в 65-ом двухэтажный кирпичный дом назывались в народе «совхозом», а остальное Крулихино – посёлком. Иногда совхозные с поселковыми враждовали, но до ничего серьёзного не доходило. Вообще играть «в совхозе» было куда интереснее, а в посёлке что – если только по садам, лазить, которых у совхозных-то не было...

Вообще жить в Крулихине было, скажем так, престижно. дело в том, что это было отделение Опочецкого совхоза «Красный фронтовик», а кругом сплошь колхозы. Ведь изначально в нашей стране совхозы организовывались именно на базе помещичьих хозяйств как советские передовые. Крестьянские же деревни с их мелкими общинными наделами объединяли в колхозы. Так вот в совхозах были паспорта, а у колхозников нет. В Крулихине были паспорта, а в Высоцком, скажем, или каком-нибудь Пузакине – нет. Вот и думай тут мужик, где лучше. А чего тут думать: с паспортом ты свободный человек, уволился и поехал, куда глаза глядят или душа зовёт.

Резкий отток населения начался с введением в жизнь брежневской доктрины о бесперспективных деревнях и сселения из них людей на центральные усадьбы хозяйств. Практически одновременно начался процесс преобразования колхозов в совхозы. Шаг был рискованным, непродуманным и в целом оказался для русской деревни губительным: люди из так называемых бесперспективных деревень потекли не на центральные усадьбы, а прямо в города, особенно молодёжь, обретшая паспорта.

Вот как эта политика зафиксирована в БСЭ:

«Для средней полосы типично преобладание средних по величине поселений. Одна из задач социалистической перестройки сельского расселения – это укрупнение. Обеспечение необходимых для социально-культурного развития условий и достижение рационального уровня обслуживания предполагает людность сельских поселений не ниже 1-2 тыс. человек. Планомерно производится сселение в более крупные посёлки, ликвидация неудобно расположенных и бесперспективных мелких и мельчайших поселений. Происходит процесс уравнивания культурно-бытовых условий жизни сельских и городских поселений»/т.24, 2-я кн., «Население»/.

Что ни говори, а наше политиканство в сельском секторе имеет чёткую линию, железную, убийственную для русской деревни логику. Сказав А, мы не заставили себя ждать ни Б ни С. Отказавшись в конце 20-х гг. прошлого века от хуторов /русского фермерства/, дававших основной вал зерна и поднявших,

накормивших страну после трёхлетней гражданской бойни, на рубеже 60-70 гг. мы признали ненужными, «не удобными» для жизни, хозяйственной и культурной деятельности и все малые деревни России. Даже типичное не остановило нас! Был взят курс на укрупнение, сливание хозяйств и, следовательно, сел – курс на ликвидацию...

Пришла пора новой перестройки... И можно ещё устоять! Народу, по сравнению с нынешним днём, в деревне жило достаточно. Но мы сразу пустили в распыл совхозы и колхоз, не поддержав, по сути, ни правовое, ни финансово зарождавшееся было фермерство, задушив его чудовищными банковскими процентами, ценами на ГСМ и новую технику. Задушили и залили «Роялем» после трёхлетнего горбачёвского «чаепития»...

Когда правители действительно думают о народе и «дальнейшем развитии», они поступают иначе. Уж не будем говорить здесь о нереализованной до конца реформе Столыпина Петра Аркадьевича, но если даже обратим свои просвещённые взоры в тёмное, безграмотное средневековье, то и там обнаружим куда больше государственной дальновидности насчёт «рационального расселения», нежели сегодня: «В 13-15 вв. этот процесс /рост деревень и высвобождение земли из-под леса под пашню. – Г.Г./ осуществлялся в основном русскими крестьянами-общинниками, независимыми от феодальных собственников. В дальнейшем, по мере вовлечения значительной массы общинного крестьянства в сферу феодальной зависимости, сами феодалы помогали развитию деревни: предоставляли крестьянам долгосрочные льготы, ссуды, «подмоги». Особенно активно насаждали новые и расширяли старые деревни монастыри, а также крупное боярство» /БСЭ, т.8, «Деревня»/.

Предоставляли и помогали, насаждали и расширяли!.. А мы что сейчас делаем, отцы-руководители, медные лбы? Что мы делаем?.. Как тут не вспомнишь классика: «Был в древности народ, головотяпами именуемый, и жил он далеко на севере...» /Салтыков-Щедрин/.

Мы теперь не муниципальную реформу проводим, а, выражаясь по-военному, делаем зачистку села. Да-с, зачистку. Если при советах говорили о бесперспективных, «неудобных» для «рационального уровня обслуживания» деревнях, то теперь «неудобным», невыгодным стал каждый сельский житель – сам человек. О закрытии сельских школ рапортует как о победе, о достижении: кто больше, кто скорей!.. И наверху эти рапорты с удовольствием принимаются. Больше дикости в умах наших правящих верхов, кажется, и вообразить себе трудно. Собственный народ стал обременителен, «нерентабелен»... Государственно-чиновничий аппарат отгораживается от народа бюрократическим бумажным валом, который без адвоката правды самостоятельно и не пробьёшь.

Депутат Поздноев, недавно покинувший областное собрание, рассказывал, как после войны его одного в классе учили в сельской школе несколько лет. Одного, в тяжелейшее послевоенное время. Никто не заикался ни о закрытии школы, ни класса. Он был «выгоден» в ту пору, этот ребяенок Поздноев, и нужен. Теперь же собственное население для государства стало обременительным, особенно население нетрудоспособное – дети и пенсионеры...

Через 5-7 лет некого будет возить в новых «пазиках», некому будет платить ни по десять тысяч рублей, ни по пять, ни по тысяче за классное руководство. А придётся, одним-двумя рейсами объехав каждый район, скидать оставшихся калек и пьянчужек в телегу да отвезти в тёплую лечебницу. Или просто на выезде из города поставить полосатый шлагбаум и солдат с ружьём, чтобы никто не выползал и сидел там тихо. Человек с ружьём – великий и вечный наш символ, увы.

Но вот интересно, что мы запишем в следующую свою энциклопедию? И что наши внуки процедят сквозь зубы, очутившись в результате наших передовых «реформ» перед непроходимой чащобой времён князя Олега?.. Откуда эти заросшие бурьяном, пустые, с провалившимися крышами деревни, заброшенные клубы, школы, библиотеки? Что здесь, мор был, чума, холера?.. Что здесь, за торжественной ширмой демократического краснбайства, происходило, господа-товарищи?..

Так что мы не одно такое Крулихино потеряли – тысячи!

Где-то год назад у А.И.Солженицына на центральном телевидении корреспондент спросил: какова, по-вашему, должна быть у России на современном этапе национальная идея? Писатель ответил сразу, как о наболевшем, что основной национальной идеей для России на ближайшие 50 лет должно стать сохранение народа. Вот и вся идея. Все принимаемые законы должны апробироваться именно с этой точки зрения: способствует или нет. К сожалению, голос живого классика до правящей верхушки олигархов давно не доходит, у них другие учителя, другие цели.

Недавно молодых женщин переполошили суммой в 250 тыс. рублей за рождение второго ребёнка. В роддомах страшный был переполох. «Бабы! – хватались за голову роженицы. – Это что же, это сразу дадут? Деньгами?..» - Нет, не сразу! – взялись их успокаивать сверху, и продолжают успокаивать до сих пор. Не сразу, а это если вы родите второго ребёночка 1 января 2007 года, то через три года, то есть в 2010, вы сможете что-то там из этой суммы получить...

Но, дорогие мои, а где же будут нынешние обещатели через три года?.. Ведь пройдут парламентские, президентские выборы, сменится правительство,...Я сомневаюсь, что их вообще можно будет отыскать на наших просторах. Может быть, я и ошибаюсь, не знаю – женщинам виднее, как поступать...